

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194

ДИСКУРСИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТОВ ДЕСТРУКТИВНЫХ ЭМОЦИЙ

Я.А. Волкова¹, Н.Н. Панченко²

¹Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 7

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, пр. им. В.И. Ленина, 27

Целью данной статьи является выявление изменений в концептуализации деструктивных эмоций, что обусловлено изменениями в их понимании и оценке социумом. В статье рассмотрены такие эмоциональные концепты, как *гнев, ревность, презрение*; выделенные инвариантные значения номинирующих их лексем сопоставлены с их актуализацией в контекстах художественной и публицистической литературы в синхроническом и диахроническом срезах. Исследование вербализации эмоциональных деструктивных концептов позволило авторам выявить их различную вариативность, обусловленную, во-первых, пересечением и взаимопроникновением ассоциативных смыслов в периферийной семантике концептов, и, во-вторых, дискурсивной реализацией их номинантов, отражающей трансформации коннотативных значений. Делается вывод, что модификации коннотативных значений анализируемых лексем обусловлены динамикой и инверсией эмоциональных ценностей, связанных с отношением в социуме к определенным эмоциям, в частности деструктивным, и отражающих сдвиг в ценностных установках языковой личности. Материалом исследования послужили данные толковых и этимологических словарей русского языка, а также Национального корпуса русского языка. Методы исследования включают контекстуальный анализ употребления обозначенных лексем в Национальном корпусе русского языка, сравнительный анализ для выявления изменений в их актуальной семантике и динамики коннотативного значения, не зафиксированной в современных словарях. Исследование развивает положения эмотивной лингвистики, базируется на семантико-когнитивном и дискурсивном подходах к исследованию эмоций, представленных в работах А. Wierzbicka (1999), Н. Tissari (2017), В. Volek (1987), С. Gevaert (2007), Z. Kövecses (1990; 2005), G. Lakoff (1987), З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2007), В.И. Шаховского (2006; 2008), Н.А. Красавского (2008), С.Г. Воркачева (2006) и др.

Ключевые слова: эмоция, эмоциональный концепт, деструктивность, номинант эмоции, коннотативное значение, трансформация, ценность

1. ВВЕДЕНИЕ

Изучение эмоций сегодня охватывает множество разнообразных вопросов, затрагивающих системы средств номинации, дескрипции и выражения эмоций, ориентированных на выявление эмотивных смыслов в процессе коммуникации, акцентирующих внимание на сложном характере содержания неоднородных чувств и психо-эмоциональных состояний и т.д. Деструктивные эмоции представляют особый интерес для изучения — исследование их языковой репрезентации и, соответственно, концептуализации является важнейшим этапом развития теории деструктивной коммуникации. Мы относим к деструктивным эмоции ком-

плекса враждебности (*гнев, отвращение, презрение*) (Изард 2000), и их концептуальные квазиэквиваленты (*раздражение, злоба, гнев, ярость, ненависть* и т.п.), а также сложные эмоционально-когнитивные комплексы (например, *месть, зависть, ревность*), стимулирующие и поддерживающие деструктивное поведение в коммуникации.

Цель данной статьи — проанализировать концептуализацию таких деструктивных эмоций, как *гнев, ревность, презрение* и их концептуальных квазиэквивалентов, и проследить изменения и модификации в их понимании и оценке социумом. По сути, в статье ставится задача определить, насколько выделенные инвариантные значения номинирующих данные концепты лексем совпадают с их актуализацией в дискурсивной практике, в контекстах художественной и публицистической литературы в синхроническом и диахроническом срезах.

Исследование семантики номинантов деструктивных эмоций в настоящей работе проводится в два основных этапа. Первый шаг предполагает формирование семантического прототипа эмоционального концепта, определение содержательного минимума его понятийного ядра, а также обращение к предыстории концепта, которая помогает обнаружить трансформации внутренней формы имени концепта и эволюцию его концептуальной семантики. На следующем этапе на основе анализа дискурсивных реализаций имени эмоционального концепта и/или представлений, отраженных в современном обыденном сознании носителей языка, выявляются изменения/вариативность коннотативного шлейфа рассматриваемого концепта эмоции.

В исследовании используются данные толковых и этимологических словарей русского языка, примеры из Национального корпуса русского языка, привлекается эмпирический материал, полученный в ходе опроса респондентов.

Исследование базируется на семантико-когнитивном и дискурсивном подходах к исследованию эмоций, развивает положения одного из актуальных направлений лингвистики — эмотиологии (эмотивной лингвистики), опирается на научные исследования зарубежных и отечественных лингвистов (С. Gevaert, Z. Kövecses, G. Lakoff, Н. Tissari, В. Volek, А. Wierzbicka, К. Изард, С.Г. Воркачев, Н.А. Красавский, Т.В. Ларина, З.Д. Попова и И.А. Стернин, В.И. Шаховский и др.).

2. ДИНАМИКА ДЕСТРУКТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

2.1. Специфика изучения эмоциональных концептов

Не секрет, что термин «концепт» чрезвычайно популярен в современной когнитивной лингвистике. Вероятно, дефиниция концепта и подходы к его трактовке являются одними из наиболее обсуждаемых вопросов в когнитологии, что свидетельствует о неугасающем интересе в науке к процессу концептуализации человеческого сознанием явлений внешнего и внутреннего мира.

Основные положения теории концептов детально описаны в многочисленных исследованиях (Антология концептов 2007; Воркачев 2016; Карасик 2002; Красавский 2001; Степанов 2001; Попова, Стернин 2007; Телия 1996; Wierzbicka 1999 и т.д.), где под концептом в самом общем смысле принято понимать сложное

ментальное образование, в структуре которого выделяются взаимосвязанные между собой когнитивная, образная и ценностная части. Однако когда речь идет о концептуализации эмоций, принятая в лингвоконцептологии трехступенчатая модель концепта (Карасик 2002) представляется нам недостаточно объемной в силу нескольких причин. В первую очередь, сложность представляет сам объект концептуализации — эмоции. В отличие от большинства реалий окружающего мира «состояния души» характеризуются кластерностью и не имеют семантического эталона — всегда ли можно отличить мимическое выражение гнева, например, от злобы, крайней степени раздражения или ненависти? Очевидно, что мы можем ощутить некоторые физиологические проявления эмоций — например, повышение температуры тела, учащение пульса, повышение кровяного давления у человека в гнев/ярости. Но также очевидно, что этот список далеко не полный, и физиологи могут сказать о физиологии гнева гораздо больше. Наивно-обыденное сознание не может, да и не должно располагать точными физиологическими данными каждого из возможных эмоциональных состояний. Объективные физиологические показатели эмоций составляют лишь вершину айсберга — небольшую часть той общей картины, с которой каждый отдельный кластер эмоций связан в человеческом сознании.

Во-вторых, эмоции и чувства еще не так давно рассматривались как явления, не обладающие концептуальным содержанием и структурой. Основы лингвистического изучения эмоций были заложены проф. В.И. Шаховским и его школой в конце 80-х гг. прошлого века (Шаховский 1987).

В настоящее время при рассмотрении концептов эмоций в целом соблюдается процедура трехступенчатого анализа концепта, однако структурирование эмоциональных концептов имеет свою специфику. Понятийный компонент концепта эмоции традиционно включает анализ словарных дефиниций и этимологическую справку. Дефиниции, предлагаемые в толковых словарях, как правило, определяют одно состояние через другое, что мало дает для понимания того, как исследуемая эмоция концептуализируется в языке. Поэтому при детальном анализе понятийного компонента концепта эмоции необходимо принимать во внимание систему концептуальных метонимий, относящихся к внутренним физиологическим реакциям (физиологические проявления эмоции отображают саму эмоцию) и относящихся к произвольным поведенческим реакциям (произвольное невербальное поведение человека в гнев метонимически обозначает гнев). Образный компонент эмоционального концепта моделируется по следующей схеме: устойчивые выражения, используемые для описания изучаемой эмоции в конкретном языке, систематизируются в классы концептуальных метафор и родственных концептов, т.е. в так называемые концептуальные категории (термин З. Кёвечеса); затем концептуальные категории систематизируются в когнитивные модели, или сценарии, среди которых одна (один), как правило, является прототипом, а остальные — отступлениями от прототипа (Волкова 2014).

При анализе ценностного компонента эмоционального концепта следует учитывать его двойственную природу. С одной стороны, можно говорить об оценке социумом соответствующих эмоциональных проявлений. Применительно к де-

структивным эмоциям можно вести речь о системе отрицательных оценок и отношений к субъекту деструктивного поведения.

С другой стороны, эмоциональные переживания сами по себе являются ценностями: «Ценность эмоций может быть как опосредованной убеждениями человека моральной ценностью, так и непосредственной ценностью, уходящей своими корнями в природную потребность организма в эмоциональном насыщении» (Додонов). Лингвокультурная ценность эмоций опосредована моральными ценностями социума, религиозными воззрениями, культурными традициями. Она проявляется в отношении к эмоциям, что находит выражение в закреплённых социумом правилах проявления конкретных эмоций. Как и другие лингвокультурные ценности, ценность эмоций также подвержена изменениям, которые можно отследить посредством анализа дискурсивного поведения номинантов эмоциональных концептов.

2.2. Гнев

Гнев входит в число универсальных человеческих эмоций. Во многих отношениях гнев представляет собой прототип отрицательной эмоции, он включен в качестве базовой эмоциональной составляющей в структуру таких эмоциональных комплексов, как ненависть, зависть, ревность и др.

Этимология слова *гнев* неясна. В этимологических словарях Н.М. Шанского и М. Фасмера гнев связывается с *гниль*, *гнить*, *гной* (Фасмер 1996; Шанский), что, в целом, отражает связь с неприятным телесным опытом.

Отрицательные характеристики гнева отражены в словарных дефинициях:

- гнев* — чувство сильного возмущения, негодования (Ожегов 1992);
- гнев* — чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-л., чем-л. (обычно бурно проявляющееся) (НТСС 2000);
- гнев* — чувство сильного возмущения, негодования; состояние раздражения, озлобления (БАС 1954).

Таким образом, мы видим, что в современных толковых словарях содержательный минимум понятия «гнев» включает в себя такие семантические признаки, как ‘возмущение’, ‘негодование’, ‘раздражение’, ‘озлобление’, причем все это маркировано высокой степенью интенсивности. Гнев концептуально и физически связан с понятиями враждебности и агрессии, психологи констатируют, что многие агрессивные действия совершаются в контексте гнева (Изард 2000; Лоренц 1994, 1998).

Традиционная оценка гнева представлена в широко известных афористических высказываниях:

- Гнев* — начало безумия (Цицерон);
- Нет ничего ужаснее гнева* (Менандр);
- Ни одна страсть не помрачает в такой мере ясность суждения, как гнев* (Мишель Монтень) и др.

В них акцентируется разрушительное влияние гнева на сознание человека — гнев делает из людей чудовищ.

В русской лингвокультуре гнев также оценивается как отрицательная эмоция, оказывающая негативное воздействие на поведение субъекта эмоции и его душевное состояние. Ниже приведены примеры контекстов рефлексии, демонстрирующие традиционное отношение к гневу в русской лингвокультуре, включая оценку гнева в православии.

- (1) *С этим явлением ставили в связь развитие психических эпидемий, быстрое возникновение аффективных движений, паники, вспышек гнева, иногда доводящего до убийства* (В. Гиляровский. Психиатрия. 1935).
- (2) *Гнев — маска сумасшествия, пляска бесов, добровольная одержимость, зверские отношения людей друг с другом, драка дикарей* (Арх. Рафаил (Карелин). 2009).
- (3) *Святые Отцы, многими подвигами достигшие безгневия удивительной силы, единодушно свидетельствуют, что ничто так не отгоняет благодать Духа Святого от нашего сердца, как гнев* (Протоиерей Георгий Нейфах. http://www.pravmir.ru/kak-pobedit-gnev/#_ednref1).
- (4) *Гнев — сильный, все пожирющий огонь; он и телу вредит, и душу растлевает, и делает человека неприятным на вид и постыдным* (Св. Иоанн Златоуст).

Устойчивые словосочетания, используемые для описания состояний, связанных с гневом, традиционно группируются в систему концептуальных метафор гнева, которая раскрывает инвариантные признаки и ценность рассматриваемой эмоции в языковом сознании носителей русского языка: *взбелениться, рвать и метать, бесноваться, обезуметь, белены объесться* (поведение человека в гневе сравнивается с поведением безумца), *довести до белого каления, (за)кипеть, на-кипеть, кипятиться, взрывать(ся), бурлить, вспылить, выпускать пар, вспыхнуть* (гнев приводит к потере контроля, что опасно для окружающих), *показывать зубы/когти, оцетиниться, оскалиться, рычать, шипеть* (поведение человека в гневе сравнивается с поведением зверя, что опасно для окружающих) и т.п.

- (5) *Елизавету Петровну, ее брата Дмитрия Бутурлина и фрейлину Эльмут уличили в сочинении анонимно ходившей по рукам сатиры на придворных Екатерины II, задевавшей и саму императрицу. Екатерина кипела гневом. Дивовых выслали в Москву, а фрейлину, по слухам, и вовсе тайно высекли розгами, удалив затем от двора* (И. Грачева. Диво в Дивове // «Наука и жизнь», 2007).
- (6) *В случае сопротивления чувства гнева и страха нарастают и на пике этих эмоций происходит убийство* (И. Зайчиков. Хулиганское нападение. 2004).
- (7) *Она находилась прямо в фокусе моего накаленного добела гнева* (В. Набоков. Лолита. 1967).

Таким образом, очевидно, что в русской лингвокультуре гнев рассматривается, в первую очередь, как антиценность; открытое выражение гнева осуждается, равно как и агрессивное коммуникативное поведение.

Анализ контекстов употребления лексемы «гнев» позволяет также выделить семантический компонент значения гнева как «оправданного возмущения»: *праведный гнев*.

- (8) *Но Темучин под влиянием чувств, в том числе и таких благородных, как праведный гнев, политических решений не принимал* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы. 1985).

Однако уже в древних источниках прослеживается и несколько иное отношение к гневу, а именно к гневу как положительной эмоции. В «Никомаховой этике» Аристотель пишет не только о порочности и вредности гнева, но и о том, что гнев может быть знаком силы и стремления к справедливости.

- (9) *Недостаток, будь то некая «безгневность» или что бы там ни было, осуждают, ибо те, у кого не вызывает гнева то, что следует, считаются глупцами, а также те, кого гнев охватывает не так, как следует, не тогда и не на тех, на кого следует. Кажется ведь, что такой человек не чувствует и не страдает, а недоступный гневу, [он, видимо], не способен защищаться, между тем сносить унижения самому и допускать, чтобы унижали близких, низко (Аристотель).*

Православная этика, несмотря на осуждение и порицание гнева, признает его двойственность, отмечая, что гнев может быть греховен и безгрешен, смотря по побуждению и своей цели:

- (10) *Гнев — это сила раздражительной части души. Он изначально дан был человеку Богом для сопротивления злу, для противодействия порокам. Но вследствие грехопадения гнев превратился в людях из благой силы в греховную страсть, которая никогда «не творит правды Божией» (Иак. 1, 20).*

Эта двойкая природа гнева, подмеченная еще древними, дала возможность современным исследователям рассматривать гнев как амбивалентную эмоцию. Согласно некоторым данным, гнев вызывается нарушением морального кода автономии (прав личности). Гнев тесно связан с понятиями справедливости, свободы, индивидуализма и личного выбора (Rozin et al. 1999). В статье У. Хесс делается вывод о том, что в большинстве ситуаций гнев является положительной эмоцией, однако это утверждение справедливо для субъекта эмоции, но далеко не всегда для ее объекта (Hess 2014).

Таким образом, в научном сознании отношение к гневу давно перестало быть однозначным. Христианская религия признает опасность гнева, в первую очередь для окружающих, поэтому его отрицательная оценка однозначно превалирует в религиозном дискурсе. Данное понимание переносится на обыденное сознание именно потому, что общество осознает опасность гнева и пытается предотвратить его проявление. Однако, очевидно, что амбивалентность гнева не могла не найти отражение в обыденном сознании.

Популяризация идей о том, что сдерживание гнева приводит к нежелательным физиологическим и психологическим последствиям, привела к тому, что ценность гнева для социума подверглась изменениям в последние десятилетия. Обоснованный гнев оправдывает вызываемые им агрессивные действия, и эта мысль всячески культивируется в художественной литературе и на кино- и телеэкранах. Например, опрос 100 респондентов (возраст 16—35 лет) выявил абсолютную положительную оценку действий человека, испытывающего так называемый «праведный» или «благородный» гнев: 82% опрошенных ответили, что праведный гнев помогает бороться с несправедливостью и наказывать обидчиков.

Положительная оценка гнева как инструмента борьбы за справедливость и мести «нехорошим людям» представлена в многочисленных контекстах рефлексии:

- (11) *Поэтому когда девочку украдут у него на глазах, и Кризи пойдет убивать, его жестокость будет как никогда оправдана — это не вызывает никаких сомнений* (Из отзыва на х/ф «Гнев» (2004) (<http://www.kinopoisk.ru/film/6889/>)).
- (12) *Москвичи начали звереть: получающих удовольствие от гнева становится все больше* (В. Ковалев) (<http://www.ridus.ru/news/194754/>);
- (13) *Благородный гнев так же прекрасен, как открытая улыбка* (<http://znay-vse.livejournal.com/664026.html?thread=1897178>).

Нужно отметить появление целых сайтов в Интернете, рекламирующих пользу гнева и вред от его сдерживания: <https://lifehacker.ru/2017/04/03/10-reasons-its-good-to-get-angry/>; <http://novosti-n.org/ukraine/read/106752.html>; <http://www.factroom.ru/facts/60956> и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что традиционные ценностные установки в социуме в отношении эмоции гнева претерпевают изменения в последние десятилетия, что находит отражение в языковых контекстах употребления лексемы «гнев». Предпосылки этому заложены в самой природе эмоции гнева, однако повышение толерантности общества к агрессии и возрастающая тенденция к оправданию зла делают эти изменения социально и психологически опасными.

2.3. Презрение

Слово *презирать*, согласно этимологическим источникам, заимствовано из старославянского языка, образовано префиксальным способом от глагола *зира-ти* (*зърѣти*) ‘смотреть’ и буквально означало ‘смотреть сверху вниз’ (Шанский). Примечательно, что этимологическая близость *презрения* с *высокомерием*, *превосходством* не эксплицируется современной лексикографией.

В толковых словарях русского языка XX века содержательный минимум понятия *презрение* традиционно включает в себя семантические признаки ‘неуважение’, ‘пренебрежение’, ‘безразличие’:

Такое отношение к кому-чему-нибудь, которое вызывается признанием кого-чего-нибудь недостойным, не заслуживающим уважения, подлым, морально-низким, ничтожным (Ушаков 2000);

1) глубоко *пренебрежительное отношение* к кому-чему-н.; 2) *подчеркнутое безразличие* к чему-н., *пренебрежение* чем-н. (Ожегов, Шведова 1992).

При этом характерно, что указанные признаки зачастую не дифференцируются, выступая синонимами и демонстрируя связь эмоций презрения и пренебрежения, с одной стороны, и презрения и безразличия, с другой:

1) *чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения* к кому-л, чему-л. 2) *безразличное, пренебрежительное отношение* к чему-л. (НТСС 2000).

Пренебрежение, в свою очередь, нередко дефинируется через презрение, но эксплицируя при этом признак высокомерия, превосходства:

Высокомерное, лишенное уважения и внимания отношение к кому-чему-н. (Ожегов, Шведова 1992);

1) *высокомерно-презрительное* отношение, недостаток уважения к кому-л., чему-л., 2) *отсутствие должного внимания, полное безразличие к чему-л.* (НТСС 2000; Ушаков 2000).

Думается, что презрение и пренебрежение, благодаря близости значений, взаимосвязи и взаимопроникновению ассоциативных смыслов, отсылающих к идее превосходства, отрицания ценности Другого, могут считаться парой концептуальных квазиэквивалентов, в которой прослеживается градация по степени проявляемой неприязни и враждебности:

(14) *Я промолчала и начала сосредоточенно разрывать обертки денежных «кирпичиков», кожей чувствуя, как пренебрежение Хитрика перерастает в глубокое презрение* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда. 2006).

По свидетельству В.В. Виноградова, такой оттенок значения, как безразличие (выказывать презрение к чему-нибудь отсутствием страха, боязни — *презирать опасности, смерть*) «был чужд глаголу *презирать* в XVIII веке (см. словарь Акад. Росс. 1792, III, 147; ср. сл. АР 1822, V, с. 207—208). Лишь в словаре П. Соколова (1834) разделяются два значения: 1) ненавидеть, почитать недостойным уважения, почтения; 2) пренебрегать, не обращать внимания, не страшиться, презирать опасности, смерть (II, с. 776). При этом любопытно, что слово *пренебрегать*, связывая оба эти значения, относится то ко второму, как у Соколова, то, как в Акад. словаре 1847 г., к первому значению» (Виноградов 1935: 264).

Безразличие как оттенок значения презрения, перелившийся, по словам В.В. Виноградова, в русское слово из французского (Там же), обнаруживает связь с презрением и в родственном французскому испанском языке, где «в большинстве толковых и энциклопедических словарей презрение (*desdén*) объясняется через безразличие (*indiferencia*), а в тематических (понятийных) и синонимических словарях эти понятия попадают в одну словарную статью» (Воркачев 2006: 98). Неслучайно, что в русском языке обнаруживается целый ряд лексико-фразеологических средств, выражающих и презрение, и безразличие: *плевать (с высокого дерева / с высокой колокольни / с высокой горы), не принимать во внимание, оставлять без внимания, не желать знать, плевать хотеть, не придавать значения, в упор не видеть, не обращать внимания, проходить мимо, игнорировать, сбрасывать со счетов, чихать, ни в грош не ставить; ноль внимания, фунт презрения* и др.

Обзор современных русскоязычных словарей демонстрирует прежнюю тенденцию выделения двух основных значений: 1) *чувство крайнего неуважения к кому-либо или чему-либо*; 2) *пренебрежительное отношение* (Дмитриев 2003).

Далее попытаемся ответить на вопросы, совпадает ли семантическое толкование с наивно-языковым представлением современных носителей русского языка о данной эмоции, но при этом ограничимся областью межличностных отношений и сосредоточим свое внимание на том значении лексемы *презрение*, которое манифестирует его как эмоцию враждебности (Изард 2000) и соотносит данное эмоциональное состояние с деструктивной коммуникацией:

(15) *...и она просто третировала меня своим презрением. Кто эту маленькую, крошечную, можно сказать, особу научил так презирать?* (Э. Лимонов. Книга воды. 2002).

Используем для ответа на поставленный вопрос сочетаемостный анализ лексем *презрение* и предиката *презирать*, анализ контекстов рефлексии, учитывая при этом материал, накопленный в психологии и лингвистике эмоций.

Так, вполне обоснованным и доказанным сегодня является тезис о том, что презрение носит осознанный, рассудочный характер, из всех эмоций триады враждебности выступает наиболее холодной эмоцией (Воркачев 2006: 99; Изард 2000), поскольку по сравнению с гневом и отвращением характеризуется самым низким уровнем физиологического возбуждения и сопровождается крайне незначительными изменениями вегетатики (Ильин 2001). Закономерно появление соответствующей температурной метафоры в атрибутивных характеристиках *хладнокровное, ледяное презрение* или *презрительно-холодный (взгляд)*.

О деструктивном характере данной эмоции, ее интенциональности и опознаваемости на фоне «собратьев» по эмоциям враждебности свидетельствует следующий пример:

- (16) *А теперь пожилкой дядя, окруженный аурой могущества, дал мне понять, что все не так. **Не злоба** читалась в его глазах — тогда бы они сверкнули. И **не отвращение** — тогда бы его лицо исказила гримаса. Нет, я ощутил **презрение в чистом виде**. Откровенное, как порнофильм. Здесь и началась моя торьма, состоялся мгновенный переход из одной жизни в другую. Генерал посадил меня за решетку одним взглядом (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет. 2005).*

Будучи направленным на отрицательную оценку действий, принижение значимости адресата, его ценностных установок, в межличностном взаимодействии презрение служит иллюстрацией деструктивной интенции говорящего, поскольку граничит с реализацией отвращения, брезгливости, высокомерия, ненависти, с одной стороны, и стимулирует обиду, чувство униженности адресата, с другой:

- (17) *Друзья перестают общаться, начинают **презирать** друг друга. У меня есть два приятеля — они давно дружат между собой. Один в Киеве, в нацгвардии, другой в Славянске. И если раньше они говорили: «Нет, ну это исключено, мы никогда не будем стрелять друг в друга», то сейчас: «**Увижу — убью**» (С. Скарлош. Заложник навсегда // «Русский репортер», 2014);*
- (18) *За ту секунду или две, что смотрела на меня, она успела выразить все, что чувствовала по отношению ко мне: **ненависть, презрение, брезгливость** (Судьба-злодейка // «Истории из жизни», 2004);*
- (19) *О вражде Шамиля и Салмана знала вся Чечня. Мало того, если Радуев Басаева ненавидел из-за тщеславия и зависти, то Басаев Радуева — просто презирал, что еще хуже. **Ненависть** — сильное и в каком-то смысле **высокое чувство, возвышает людей**. А **презрение** — **унижает** (Г. Трошев. Моя война. 2000—2001).*

Несмотря на то, что последний пример демонстрирует индивидуально-авторское противопоставление эмоций ненависти и презрения с точки зрения ориентационной метафорической модели ВЕРХ—НИЗ, данные эмоции достаточно часто располагаются в близком синтагматическом окружении (более 200 примеров нашей выборки), демонстрируя некий прием удвоения смысла уточняющим словом или удвоение близкозначных слов (Колесов 2002). Представляется, это

может служить свидетельством их близкого происхождения и одновременной реализации в рамках одной эмоционально маркированной ситуации:

- (20) *Фраза, брошенная мне в лицо, была давно придумана, и в ней были **ненависть и презрение**, накопленные месяцами и, может быть, даже годами* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги. 1970);
- (21) *Но ее глаза встретились с его глазами, и он прочел в них **и презрение, и ненависть, и отвращение*** (Г. Чулков. Омут. 1916).

Анализ контекстов также позволяет выделить семантический компонент значения презрения, связанный с осознанием говорящим собственного превосходства, который, как мы наблюдали, благодаря этимологической памяти «просвечивает» во внутренней форме лексемы, но не фиксируется словарями (*презирала слесаря, проигравших презирал, испытывать презрение к предателям* и т.д.):

- (22) *В класс другой преподавательницы, которую Вета **презирала и считала не-далекой** ...* (М. Трауб. Ласточ...ка 2012);
- (23) *Вы **презираете** людей, которых презирать не имеете никакого права, **кичитесь и чванитесь сами собою*** (И. Зайцев. «Урус», «Москов», «Казак»... // «Родина», 2008);
- (24) *Он выучился презирать почти всех, с кем разошелся, всех, кого **считал ниже себя по таланту или значению**...* (Д. Быков. Орфография. 2002).

Представляется, что в сфере межличностных отношений презрение является в большинстве случаев антиподом безразличия, это отнюдь не равнодушие или отсутствие интереса, а контролируемое проявление негативного отношения к субъекту, которое манифестируется в ряде отрицательно маркированных невербальных средств (взгляд сверху вниз, усмешка, сжатие уголков губ):

- (25) ***Презирать** — тоже знак внимания, тоже реверанс, только с вызовом* (С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002).

Подтверждением служат результаты проведенного нами опроса 100 респондентов (возраст: 18—40 лет), в ответах которых можно выделить следующие основные признаки: 1) ненависть, крайняя степень неприязни (*проявление ненависти; ненавидеть; испытывать отвращение, относиться к кому-то как к чему-то мерзкому и противоположному* и др.) — 56%, 2) неуважение (*сильнее неуважения; чувство крайнего неуважения, неуважительное отношение*) — 24%, 3) высокомерие (*высокомерное отношение; ставить кого-то ниже других, относится свысока* и др.) — 21%, 4) осуждение, неодобрение (*отрицательная оценка поступков; неодобрение действий и поступков; негативное чувство, связанное с недостойным поведением, которое не вписывается в адекватный социум* и др.) — 17%. Обращает на себя внимание факт полного отсутствия в трактовках респондентов признака безразличия, напротив, большинство участников опроса подчеркивали, что презрение является резко негативным чувством/отношением, а 12% респондентов в числе прочих признаков назвали безразличность.

Таким образом, при дискурсивной реализации лексема *презрение*, номинирующая соответствующий концепт, приобретает семантические признаки, не зафиксированные в современной лексикографии, но осознаваемые носителями русского языка. Модификация инвариантного значения в сознании носителей русского языка.

ка и при актуализации в контексте обусловлена, во-первых, пересечением и взаимодействием ассоциативных смыслов в периферийной семантике концепта (презрение — ненависть; презрение — безгливость/отвращение; презрение — враждебность), во-вторых, этимологической памятью имени, ретранслирующей и сохраняющей в концептуальной семантике признак ‘высокомерие’, ‘осознание собственного превосходства’. Рискнем предположить, что выделяемое в отечественной лексикографии значение безразличия (приобретенное в XVIII в. русским языком благодаря влиянию французского языка) на современном этапе переживает процесс утраты общих признаков с инвариантным значением презрения, по крайней мере, применительно к сфере межличностного коммуникативного взаимодействия, думается, мы можем наблюдать процесс омонимизации, распада полисемии.

2.4. Ревность

Одним из ярких примеров дискурсивной вариативности сложных эмоциональных концептов является эмоциональный концепт «ревность». В отличие от рассмотренных выше концептов эмоций гнева и презрения, которые представляют собой в некотором роде «чистые» эмоции, ревность является сложным эмоционально-когнитивным комплексом, когнитивный компонент которого составляет постоянный процесс сравнения и нежелание оказаться хуже другого, а эмоциональным компонентом могут выступать любые эмоции комплекса враждебности.

Этимологически лексема *ревность* в русском языке восходит к праславянской форме, от которой в числе прочего произошли: русск.-церк.-слав. *рѣвнь* ж. (ζῆλος; Григ. Наз.), ст.-слав. *рѣвнѣвь* (ζηλωτής; Супр.), сербск.-церк.-слав. *рѣвение* (ѣриѣ), *рѣвновати* (ζηλοῦν), русск. *рѣвность*, *рѣвноватъ*, укр. *ревни́вий*, болг. *ревни́в*, чешск. *ševnivost* ‘ревность’, *ševnovat* ‘ревновать’, польск. *rzewniwy* ‘растроганный, взволнованный’, *rzewnić* ‘растрогать’, *-sik* ‘растрогаться’, в.-луж. *rjewniž* ‘стремиться, становиться на чью-либо сторону, соревноваться’, *rjut* ‘сильный год’. Возм., связано с *реветь*, *реву́* (Фасмер 1996).

В отличие от гнева и презрения концепт «ревность» демонстрирует смещение базовых характеристик уже на уровне понятийного ядра в диахронии. В словаре В.И. Даля *ревновать* имеет следующее основное значение: «(от рвать и рвение) чего, поревновать, потщиться всеми силами, со рвением стремиться к чему. *Ревную знаний. Ревнуйте же дарований больших, Корне. Ревную небеснаго царства // — кому, чем*» (Даль 1999). Соответственно, ревность — ‘горячее усердие, старание, стремление к добру’.

Именно данное значение превалирует в контекстах, относящихся к XVIII — началу XIX в.

- (26) *Поверьте, римляне, старцу, познавшему осьмьдесят лет существо добродетели и ревновавшему исполнить ее делом* (Д. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию. 1777);
- (27) *3 давнаго б времени вы могли от нас воспрять по суровости вашей награждения, однако, как господь, терпя, отдаем человеком грехи, чему и мы ревнуем и ожидаем от усердия обращения вашего* (Указы Пугачева и документы его ставки. 1773–1774).

Ревность рассматривается как исключительно положительное качество, помогающее человеку преодолевать трудности, бороться с пороками, стремиться к духовному совершенству:

(28) *Будемъ желать нашимъ Авторамъ успѣховъ въ соревнованіи съ иностранными Геніями, но будемъ и безъ надменнаго самолюбія признаваться, что мы еще не дошли до совершенства, но только стремимся къ нему, будемъ надѣяться и увѣрять себя, что мы и въ этомъ недолго останемся назади другихъ народовъ, потому что съ пламеннымъ желаніемъ, ревностію и доброю волею можно до всего достигнуть, если гордость, самонадѣянность и эгоизмъ насъ не ослѣпляютъ* (Р. Зотов. Замечания на замечания. 1820).

В религиозных контекстах *ревность* имеет возвышенный духовный смысл, означая усердие угодить Богу:

(29) *Святое писание в пример истинной ревности между многими представляет нам Апостола Павла, который к Коринфяном пишет такими словами: ревную по вас Божіею ревностію: ибо я обручил вас единому мужу, чтоб вы предстали Христу, яко дева чистая* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича. 1768).

Вторым по порядку значением слова *ревность* у В.И. Даля выступает ‘зависть, досада на больший успех другого’ (Даль 1999), что переводит ревность в разряд отрицательно-маркированных состояний:

(30) *Изверг даже не спросил, где печатается мой роман, но я ему прощал вперед, потому что, очевидно, Пепко **ревновал** меня к моему первому успеху* (Д. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко. 1894);

(31) *Еще до войны молодого, чрезвычайно талантливого Юрия Эрнестовича отравили в лагеря, причем посадил его кто-то из своих же «художественников», **ревнуя** к его успехам в театре* (М. Козаков. Актерская книга. 1978—1995).

И, наконец, последним выступает значение ревности как ‘слепой и страстной недоверчивости, мучительного сомнения в чьей любви или верности’, отрицательная оценка которого заложена уже в предлагаемой В.И. Далем дефиниции.

В современных толковых словарях русского языка значения слова «ревность» представлены в обратном порядке. Например, Большой толковый словарь русского языка предлагает следующее толкование интересующей нас лексемы:

РЕВНОСТЬ, -и; ж. 1. Мучительное сомнение в чьей-л. верности, любви. *Мучить ревностью жену. Сгорать от ревности.* 2. Боязнь чужого успеха; соперничество. *Испытывать ревность к успеху сослуживца.* 3. Устар. Усердие, рвение в работе. *Ревность к делу* (Кузнецов 2008).

Многие толковые словари предлагают похожие определения ревности (Ожегов, Шведова 1992; Ушаков 2000).

Таким образом, очевидно, что положительное значение ревности как усердия, рвения в работе в сознании носителей русского языка переместилось на второстепенные позиции и трактуется как устаревшее, а значение ревности как мучительного сомнения в верности и любви является в настоящее время основным и доми-

нирующим. Говоря о понятийной составляющей ревности, уместно вспомнить рассуждения У. Дэвидсона о зависти и соперничестве в «Энциклопедии религии и этики» (Davidson 1912). Сопоставляя зависть и ревность, У. Дэвидсон утверждает, что между данными эмоциями много общего: они обе эгоистичны и злонамеренны, обе направлены на людей, обе подразумевают ненависть к своему объекту и желание навредить ему. Однако ревность содержит больше злобы; в ее основе лежит мнение субъекта, что некий объект должен принадлежать ему по праву. У. Дэвидсон прямо указывает на деструктивный характер ревности, подчеркивая, что она уродует природу того, кто ее испытывает, лишая возможности видеть вещи в их истинном свете и вынуждает совершать жестокие поступки (Davidson 1912: 10).

Результаты свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 100 информантов в возрасте от 17 до 75 лет, большинство из которых женского пола (72%), также показывают, что ревность ассоциируется, в первую очередь, с любовью и сопряженными с ней понятиями измены, предательства, недоверия (67%), а также с глупостью (5%), неуверенностью в себе (6%), слабостью (1,5%), собственничеством (21%). В Русском ассоциативном словаре зафиксированы следующие основные реакции на стимул «ревность»: любовь (18,6%), чувство (6,9%), злость (3,9%), глупость (2,9%), муж, страсть, плохо, супружеская, убийство — по 2% соответственно (РАС 2002). Ассоциаций ревности с работой, делом, что указывало бы на значение ревности как старания, рвения, зафиксировано не было.

Дискурсивная реализация лексемы *ревность*, номинирующей соответствующий концепт, представлена в современном русском языке реализацией всех трех ее значений. Для анализа было отобрано 300 контекстов рефлексии, отражающих употребление данной лексемы в художественных и публицистических контекстах во временном промежутке между 1990 и 2016 гг.

В абсолютном большинстве контекстов реализуется значение ревности как мучительного сомнения в верности и любви (71%), ряд примеров демонстрирует осознание носителями языка деструктивного характера этой эмоции:

- (32) *Хромая тетка Лукерья сбросила мужа в подполье, и Петька долго потом мучился по ночам, пытаясь понять, что за штука такая — ревность, из-за которой можно запросто отрубить кому-то бабку, и представляя себе, как этот летчик лежал там рядом с картошкой — без головы, без фуражки, без неба, без эскадрильи, без своего самолета, как будто тетка Лукерья отрубила и это все тоже вместе с красивой стриженной «под бокс» головой (А. Геласимов. Степные боги. 2008).*

23% проанализированных контекстов иллюстрируют значение ревности как соперничества, в том числе и профессионального, зависти. В целом, в современном употреблении лексемы «ревность» в данном значении прослеживается две тенденции:

1) употребление ревности как синонима положительно оцениваемому «соперничеству»:

- (33) *Но продавщица вовсе не ревновала к такой изящной работе отдела напротив, а списывала все на национальную принадлежность рыбных дел мастера, мол, татарин, какие у него другие заботы, кроме как рыбу мучить, да и детей*

к тому же у него нет, хотя по возрасту и внуки должны иметься, а у нее, правда, детей тоже нет, но вполне еще могут быть, к тому же колбаса неживая, ее не нужно убивать по башке молотком... (Д. Липскеров. Последний сон разума. 1999);

2) ревности как синонима зависти. В первом случае ревность не маркирована деструктивностью, во втором — это крайне деструктивная эмоция, которая может подтолкнуть к действиям, направленным на уничтожение конкурента:

- (34) *Дело даже не в том, что сам Максимов, как мне известно, люто ревновал Солженицына именно в качестве обладателя возжеленной премии, переходя от неприязни к беспрекословному почитанию и обратно, а кончив ненавистью; вдруг Нобелевский комитет в определенный период действительно мог бы наградить редактора «Континента»? (С. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них. 2004—2008).*

В 5% контекстов отражено значение как положительного качества — рвення, усердия, стремления. Однако все они так или иначе связаны с религиозным дискурсом и/или представляют собой рефлексии исторических событий:

- (35) *И не могли они понять, что в том, что земля их хуже, чем другие земли, есть не проклятие, а благословение, и если бог не дает им строить и завоевывать, то лишь потому, что ревнует он народ свой, желая, чтобы думали они не о царствах земных, не о делах человеческих (а все дела человеческие были делами дьявола, ибо дьявол, потешившись с народами, сиротил их и оставлял одних на земле), а о делах божьих, о царстве его (Д. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013);*
- (36) *На первый взгляд подобное увлечение порядком кажется «ревностью не по разуму», то есть пусть формальным, поверхностным, но стремлением угодить Богу (Е. Волкова. Магия порядка // «Эксперт», 2013).*

Концептуальные метафоры ревности также отражают инвариантные признаки и ценность рассматриваемой эмоции в языковом сознании носителей русского языка: ревность как противник в борьбе (с ревностью можно бороться, ее можно побороть, подавить, победить, преодолеть и пр.); ревность как болезнь (испытывать приступы/припадки ревности, заболеть ревностью, страдать/мучиться от ревности и т.п.); ревность как безумие (сходить с ума / обезуметь от ревности, бесноваться, и т.п.); ревность как жар (разжигать огонь ревности, ревность жгла и т.п.); ревность как тяжелая ноша (тяжкая ревность, тяжесть ревности); ревность как живое существо (ревность зарождается, давать пищу для ревности, ревность пожирает и др.). Все вышеизложенное говорит о том, что в сознании носителей русского языка ревность представляет собой, в первую очередь, антиценность, эмоцию, не одобряемую и не поощряемую социумом.

Однако ценностный аспект ревности не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд, что проистекает из амбивалентной природы этой эмоции. В паремическом фонде русского языка, например, встречаются паремии, положительно оценивающие ревность или оправдывающие ее: *Кто любит, тот ревнует. Без ревности нет любви. Ревнует, значит, любит.* Ряд афористических высказываний

также акцентирует положительную сторону ревности: *Не ревнует тот, у кого нет хоть бы капли надежды* (И. Тургенев); *Ревность — яд — в малых дозах стимулирует любовь, в больших — убивает* (И. Шевелев).

Любопытно, что особенно много афористических высказываний о ревности дали миру французские писатели и мыслители, что наводит на мысль о национальной популярности некоторых эмоций.

В ряде контекстов рефлексии также четко просматривается положительная оценка ревности, связанная с разумным дозированием ревности в сфере семейно-любвных отношений:

(37) *Это как раз одно из проявлений той самой «охранительной ревности», которая, как мы уже с вами выяснили, существование традиционной семьи и сохраняет* (А. Гусев. Простые ответы на непростые вопросы // «Психология на каждый день», 2010) — определенное количество ревности необходимо для поддержания здоровой атмосферы в семье.

(38) *Но и полное отсутствие ревности — тоже недостаток любви* (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля. 1994)

— настоящая любовь предполагает наличие определенного количества ревности.

Таким образом, можно утверждать, что дискурсивное употребление эмоционального концепта ревности претерпело существенные изменения в диахронии. Однако эти изменения связаны, в первую очередь, с изменением понятийных признаков концепта «ревность», что, в свою очередь, повлекло за собой смещение его ценностных характеристик.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения в концептуализации деструктивных эмоций *гнева, презрения (презрения), ревности (зависти)*, обнаруженных в результате сопоставления инвариантных значений номинантов данных эмоций с их синхронной и диахронной актуализацией в контексте, обусловлены изменениями в их понимании и оценке социумом.

Проследить динамику семантики данных лексем, включая их коннотативные значения, становится возможным благодаря хронологическому расположению контекстов употребления анализируемых единиц в Национальном корпусе русских текстов. Полученные результаты дополнены данными опросов респондентов, направленных на установление современного наивно-языкового представления о значении интересующих нас единиц, что в итоге позволило зафиксировать не отмеченные в дефинициях современных словарей семантические трансформации проанализированных имен деструктивных эмоциональных концептов.

Их вариативность, обнаруженная при исследовании вербализации данных концептов, обусловлена взаимопроникновением ассоциативных смыслов в периферийной семантике концептов, с одной стороны, и дискурсивной реализацией их номинантов, отражающей трансформации коннотативных значений — с другой. Семантические изменения, в том числе модификации коннотативных значений, проанализированных лексем непосредственно связаны с инверсией эмоциональ-

ных ценностей, обусловленной отношением социума к деструктивным эмоциям. Подчеркнем, что преждевременными пока нам видятся выводы о кардинальных изменениях в концептуализации наивным русскоязычным сознанием деструктивных эмоций, однако очевидны тенденции, демонстрирующие определенные сдвиги в социуме, в ценностных установках языковой личности: процесс «негативизации» межличностных отношений в целом, не осуждение/оправдание проявления деструктивных эмоций в частности. Впрочем, данная гипотеза требует верификации на примере других деструктивных эмоций и с привлечением более обширного эмпирического материала.

© Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. [*Antologiya konceptov*. In V.I. Karasik, I.A. Sternin (Eds). Moscow: Gnozis, 2007 (In Russ.)]
- Аристотель. Никомахова этика. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html (дата обращения: 15.03.2017). [*Aristotel'. Nikomakhova etika*. (Nicomachean Ethics) Retrieved from: http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html. Accessed on 15.03.2017. (In Russ.)]
- Виноградов В.В. Язык Пушкина. Москва—Ленинград: «Academia», 1935. 490 с. [Vinogradov, V.V. (1935) *Yazyk Pushkina* [The Language of Pushkin]. Moscow—Leningrad: Academia. (In Russ.)]
- Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография. Волгоград: Перемена, 2014. 324 с. [Volkova, YA.A. (2014). *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Воркачев С.Г. Оценка и ценность в языке. HISPANICA SELECTA. Избранные работы по испанистике: монография. Волгоград: Парадигма, 2006. 186 с. [Vorkachev, S.G. (2006) *Otsenka i tsennost' v yazyke. HISPANICA SELECTA*. Izbrannyye raboty po ispanistike. (Evaluation and Value in Language). Volgograd: Paradigma. (In Russ.)]
- Воркачев С.Г. Ex Pluribus Unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 17—30. [Vorkachev, S.G. (2016) Ex Pluribus Unum: Linguocultural Concept as a Synthesis Formation. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 2, 17—30 (In Russ.)]
- Дмитриева Н.А. Сопоставительный анализ семантической структуры лексических единиц, вербализующих концепт «эмоция» в лингвокультурах русского, английского, французского и итальянского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 81—93. [Dmitrieva, N.A. (2015) A Comparative Analysis of the Semantic Structure of Lexical Units Verbalizing the Concept of “Emotion” in Russian, English, French and Italian Linguocultures. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 81—93. (In Russ.)]
- Додонов Б.И. В мире эмоций. Киев: Политиздат Украины, 1987. 140 с. [Dodonov, B.I. (1987) *V mire emotsii*. Kiev: Politizdat Ukrainy. (In Russ.)]
- Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с. [Izard, K. (2000) *The Psychology of Emotions*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)]
- Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с. [Il'in, E.P. (2001) *Emotsii i chuvstva*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)]

- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с. [Krasavskij, N.A. (2008). *Ehmotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Колесов В.В. Философия русского слова. СПб, 2002. 448 с. [Kolesov, V.V. (2002) *Filosofiya russkogo slova*. Saint Petersburg. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144—163. [Larina, T.V. (2015) *Pragmatics of Emotions in Intercultural Context*. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 144—163. (In Russ.)]
- Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 272 с. [Lorents, K. (1994) *Agressiya (tak nazyvaemoe zlo)*. Moscow: Izdatel'skaya grupa «Progress», «Univers». (In Russ.)]
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 497 с. [Lorents, K. (1998) *Oborotnaya storona zerkala*. Moscow: Respublika. (In Russ.)]
- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Изд. 2. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с. [Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007). *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka*. Voronezh: Istoki. (In Russ.)]
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. [Stepanov, Y.S. (2001) *Konstanty: Slovar Russkoj kultury*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.)]
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996. [Telija, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii, i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Moscow: Shkola: «Jazyki russkoj kul'tury». (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. [Shakhovskiy, V.I. (1987) *Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka*. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [Shakhovskij, V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya ehmotsij*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Davidson, W.L. (1912) *Envy and Emulation*. In J. Hastings (Ed.), *Encyclopedia of Religion and Ethics*, Vol. 5. New York and Edinburgh: Scribner/Clark. Retrieved from: <http://www.archive.org/details/encyclopaediaofr05hastuoft>.
- Gevaert, C. (2007). *The history of anger: The lexical field of anger from Old to Early Modern English* (Unpublished doctoral dissertation). University of Leuven, Belgium. Retrieved from: <https://lirias.kuleuven.be/bitstream/1979/893/2/thesisgedrukt>.
- Hess, U. (2014) *Anger is a positive emotion*. In W. G. Parrott (Ed.), *The Positive Side of Negative Emotions*. Guilford Press, New York, London, 55—75.
- Kövecses, Z. (1990). *Emotion Concepts*. NY: Springer-Verlag. 230 p.
- Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge University Press. 314 p.
- Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago—London: The Univ. of Chicago Press.
- Rozin, P., Lowery, L., Imada, S. & Haidt, J (1999) The CAD triad hypothesis: A mapping between three moral emotions (contempt, anger, disgust) and three moral codes (community, autonomy, divinity). *Journal of Personality and Social Psychology*, 76, 574—586.

- Shakhovskiy, V.I. (2006). Emotions in Communication: Dominants of Semantics through Language Expression. In I.N. Rozina (Ed.), *Communication Theory and Practice: The Collected articles: Bulletin of the Russian Communication Association*. Vol. 4. Rostov-na-Donu: Institute of Management.
- Tissari, H. (2007). Current Emotion Research in English Linguistics: Words for Emotions in the History of English. *Emotion Review*, 86—94. Vol. 9 (1).
- Volek, B. (1987). *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam—Philadelphia.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М.; Л.: Наука, АН СССР, 1954. [BAS — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Т. 3. М.; Л.: Nauka, AN SSSR, 1954.]
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. [Kuznetsov, S.A. (2008) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. SPb.: Norint.]
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка в 4 т. Т. 1—4. М.: Наука, 1999. [Dal', V.I. (1999) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka v 4 t.* Т. 1—4. М.: Nauka.]
- Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 25.02.2017) [Nacional'ny'j korpus russkogo yazyka. Retrieved from: www.ruscorpora.ru. Accessed on 25.02.2017.]
- НТСС — Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой: в 2 т. М.: Дрофа, Русский язык, 2000. [NTSS — *Novyi tolkovo-slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka / pod red. T.F. Efremovoi: v 2 t.* М.: Drofa, Russkii yazyk, 2000.]
- РАС — Русский ассоциативный словарь: от стимула к реакции (около 7000 стимулов): В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. [RAS — *Russkii assotsiativnyi slovar': ot stimula k reaksii (okolo 7000 stimulo- lov): V 2 t.* / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva. М.: ООО «Izd-vo Astrel'; ООО «Izd-vo AST», 2002.]
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992. [Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. М.: Izd-vo «Az'».]
- Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. [Dmitriev, D.V. (2003) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. D.V. Dmitrieva*. М.: Astrel': AST.]
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Изд-во Астрель», «Изд-во АСТ», 2000. [Ushakov, D.N. (2000) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* / pod red. prof. D.N. Ushakova. М.: ООО «Izd-vo Astrel'», «Izd-vo AST».]
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб.: Terra-Азбука, 1996. [Fasmer, M. (1996) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. SPb.: Terra-Azbuka.]
- Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. [Электронный ресурс]. URL: <https://shansky.lexicography.online/> (дата обращения: 05.03.2017). [Shanskii, N.M. *Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Shanskogo N.M.* [Elektronnyi resurs]. Retrieved from: <https://shansky.lexicography.online/> Accessed on: 05.03.2017.]

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июля 2017

Дата принятия к печати: 21 августа 2017

Для цитирования:

Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 175—194. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194.

Сведения об авторах:

ВОЛКОВА ЯНА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. *Научные интересы:* теория коммуникации, коммуникативные категории, деструктивное общение, дискурс-анализ, эмотивность в языке, лингвоэкология. *Контактная информация:* e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

ПАНЧЕНКО НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. *Научные интересы* — дискурс-анализ, массмедийный дискурс, достоверность в коммуникации, коммуникативные категории, коммуникативные типы, лингвоэкология, речевые жанры. *Контактная информация:* e-mail: panchnn@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194

DISCOURSE VARIATION OF THE CONCEPTS OF DESTRUCTIVE EMOTIONS

Y. Volkova¹, N. Panchenko²

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 7, Moscow, Russia, 117198

²Volgograd State Social-Pedagogical University

Lenin Prospekt 27, Volgograd, Russia, 400066

Abstract. The aim of this article is to give a general idea of how emotion concepts and meanings of Russian emotion words denoting destructive emotional states change in discourse, reflecting changes in people's understanding and evaluation of destructive emotions. The article focuses on changes in the terms for the specific emotions of *gnyev* 'anger', *revnost* 'jealousy', *prezreniye* 'contempt'. The identified invariant meanings of these lexemes are compared to their actualization in imaginative literature and publicistic contexts both synchronically and diachronically. The study of verbalization of emotional destructive concepts allowed the authors to identify their variability due to, firstly, overlapping and interpenetration of associative meanings in the peripheral semantics of the concepts, and, secondly, the discursive realization of their names, reflecting the transformation of connotative meanings. The article concludes that the modification of the connotative meanings of emotion words results from the dynamics and inversion of linguo-cultural values associated with the attitude in a society to certain emotions, namely destructive ones, which reflect the shift in value orientation of the language personality. The data in the present study on emotion words came from dictionaries (explanatory and etymological ones) and from the Russian National Corpus. The methodological approaches employed in the study include the contextual analysis of particular words in the Russian National Corpus, as well as comparative analysis to reveal changes in the actual semantics and dynamics of the connotative meanings not fixed in modern dictionaries. The study

expands on emotive linguistics and is based on the semantic-cognitive and discourse approaches towards emotion research of A. Wierzbicka (1999), H. Tissari (2017), B. Volek (1987), C. Gevaert (2007), Z. Kövecses (1990; 2005), G. Lakoff (1987), Z.D. Popova and J.A. Sternin (2007), V.I. Shakhovskiy (2006; 2008), N.A. Krasavskiy (2008), S.G. Vorkachyov (2006) et al.

Keywords: *emotion, emotion concept, destructiveness, emotion word, connotative meaning, transformation, value*

Article history:

Received: 10 July 2017

Revised: 15 August 2017

Accepted: 21 August 2017

For citation:

Volkova, Yana and Panchenko, Nadezhda (2018). Discourse Variation of the Concepts of Destructive Emotions. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 175—194. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194.

Bionotes:

YANA A. VOLKOVA is a Doctor of Philology, professor at the Department of Foreign Languages Theory and Practice at the RUDN University (Moscow, Russia). Her research interests cover the theory of communication, communicative categories, destructive communication, discourse analysis, emotiveness in language, linguoecology. *Contact information:* e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

NADEZHDA N. PANCHENKO is a Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Linguistics at Volgograd State Social-Pedagogical University (Volgograd, Russia). Her research interests embrace discourse analysis, discourse of mass media, authenticity of communication, communicative categories, communicative types, linguoecology, speech genres. *Contact information:* e-mail: panchnn@yandex.ru